

Д-р пед.н., профессор
Университет «Туран»
Г.Алматы, Казахстан

О ПРОБЛЕМАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

В рамках данной работы нацию (народ) будем понимать в этническом смысле. Основным толчком к написанию этой работы явилось появление книги В.Р.Мединского «О русском народе, грязи и «тюрьме народов» (серия «Мифы о России») [2, с.3-720]. Темой книги автором объявлена «Актуальная национальная самоидентификация». Безусловно, проблемы национальной самоидентификации вызывают глубокий интерес исследователей. Значимость данной проблемы возрастает в эпоху глобализации и очень высока в условиях многонационального государства.

Автор раскрывает точку опоры своих рассуждений следующим образом: «Оставляю историю историкам. Мои книги... историко-публицистические. И слово «публицистические» должно было бы стоять на первом месте. Дюма говорил, что для него история - лишь гвоздь, на который он вешает свою картину. Разовью ту же мысль: для меня историческая фактура - это рамка для картины». По-другому говоря, автор собирается по-своему, на свой манер и как ему хочется трактовать факты истории. Тем более, что ему есть следовать кому: а именно Александру Дюма-отцу, этому великому сочинителю исторических сказок, по воле его неумной фантазии перемешанных с невообразимыми приключениями.

С указанной точки зрения была бы простительна и определенная вольность в оперировании историческими фактами, будь написана книга типа «Трех мушкетеров» на уровне Дюма. Однако у автора книги другие цели. «Главное действие моих книг, - пишет В.Р. Мединский, - развивается не в далеком прошлом, а сегодня, в наших собственных головах. И шире - в общественном сознании сегодняшней России». Значит, эта книга рассчитана на серьезного, вдумчивого читателя. Поскольку указано на общественное сознание современной России, то речь идет о сознании не одного, единственного народа, а в совокупности более сотен народов, являющихся гражданами современной России.

И пока автор выступает как гражданин многонационального государства, многие его рассуждения не вызывают отторжения у читателя. Поэтому я, как человек, который родился и вырос на земле своих предков- в одной из прекрасных российских республик, в основном поддерживаю ту мысль, которую подчеркивает автор книги: «Мы не имеем права думать о себе плохо. Мы не имеем права думать плохо о нашем народе. Это - основа основ... Россия имеет все основания гордиться своей историей и ее деятелями».

Правда, здесь возникает весьма важный нюанс рассматриваемого вопроса. Как известно, все народы Земли возникли, сформировались и развивались в этих же земных условиях; все они прошли последовательные этапы своего развития, начиная с полудикого состояния до современного цивилизованного периода. На этом тернистом пути у каждого народа были свои взлеты и падения, свои благие деяния и ошибки, в том числе и такие, какие трудно совместить с сегодняшними этическими нормами. Путь развития любого народа не может представлять только идеальную прямую, направленную только строго вверх. Короче говоря, нет на Земле ни одного народа, который был бы привнесен и посажен на некие территории с уже готовыми современными взглядами на мир, справедливостью, доброту и т.д. В то же время невозможно указать народ, который с «сотворения мира» был бы исчадием ада, ярким противником прогресса, какой-то «ошибкой природы». С учетом данного нюанса вопроса вышеприведенное утверждение В.Р.Мединского относится к любому народу: любой народ имеет право гордиться своей историей и своими великими предками. Необходимо лишь, чтобы такая гордость не приводила бы к гипертрофированному превознесению любых деяний этого народа и умалению роли других народов в истории. В любых работах, в том числе и публицистических, следует придерживаться доказанных исторических фактов и избегать необъективного освещения истории со специальной негативной окраской роли того иного народа. Поэтому вполне справедливым представляется и стремление автора «развенчать и обезвредить черные исторические мифы».

Однако автору упомянутой книги не удастся остаться на позиции объективного исследователя, и тем более - в роли представителя многонационального российского народа.

Весьма частые сравнения России с другими государствами В.Р.Мединский использует для оправдания своего тезиса об «очищении от мифов», не проявляя особого стремления придерживаться исторических фактов. Поскольку в этой книге публицистика должна стоять на первом месте, то, по мнению автора, и исторические факты должны подчиняться целям публицистики, направленной против «мифов». «Есть большая разница между империями этих стран и Российской, - и не в пользу западных. Потому что грубости, доходящей до садизма, жестокости в истории западных империй было побольше, чем в Российской. Не потому, что наши люди поголовно - чистое золото, а в Европе живут одни негодяи». Непонятно, какими данными пользовался автор, как ему удалось «взвесить» грубость, садизм, жестокость, проявленных западными и Российской империями. Во-всяком случае, наличие подобных «весов» в науке пока неизвестно. Здесь же с автором можно согласиться лишь в том, что в Российской империи имели место вышеназванные негативные явления, что они связаны непосредственно с проводниками российской имперской политики. Тогда непонятно, для чего автору понадобились подобные «военные действия против мифов»?

В.Р.Мединский утверждает, что «Россияне, если, столкнувшись в экспансии, и воевали, то воевали с людьми, с которыми были связаны не

первое поколение. С теми, кого они хорошо знали. Все мусульмане, включая чеченцев и адыгейцев, были для русских «татарами», что прекрасно видно из произведений Льва Толстого. А татар знали и относились к ним безо всякой расовой или национальной враждебности». Очевидно, географические соседи знали друг- друга, учились друг у друга, обходились без национальной враждебности. Однако кровавые войны начинают и ведут не простые крестьяне, в ходе войн требуется, прежде всего, убить противника. Значит, велась соответствующая работа с тем, чтобы слово «татарин» получило негативную окраску в глазах русского человека. «С 1368 -го, за 525 лет, русские дружины провели в войнах 353 года. Что они делили?... Им было мало земли? Россия *погрузилась* в такую кровь, что она, эта кровь (даже через поколения), не может не сказаться на психическом здоровье людей» [1, с.110].

Автор книги почему-то умалчивает о российских войнах против других народов. Очевидно, русские не могли «хорошо» знать ни народы Севера, ни иные народы Сибири и Дальнего Востока. Русские проникновения в далекие края чаще всего сводились к попыткам склонить аборигенов к тому, чтобы те согласились платить ясак сильным «гостям». Здесь не приходится говорить о том, что желание получить пушнину даром (или в крайнем случае, задешево) сопровождалось бы стремлением познавать каких-то там «азиатов». Неотразимым аргументом выступала сила оружия.

В.Р.Мединский подчеркивает, что «за три века с 1500 по 1800 год... в Англии население выросло вдвое, в Германии, у которой, кстати, не было заморских колоний, - на 170 %, а в России - в три раза! С 15 до 45 миллионов... А ведь численность населения и болезни - верный показатель санитарной и гигиенической действительности». Очевидно, такими показателями можно было бы и гордиться в обычных условиях. Однако в те годы Россия вела почти постоянные военные действия с сопутствующими им неизбежными потерями в живой силе не только противника, но потерями населения России. И если при этом население выросло втрое, то здесь можно усмотреть лишь единственный источник: это завоеванные новые территории с их коренным населением. Вот тогда окажется, что такие показатели роста населения еще не говорят о «санитарной и гигиенической действительности» России того времени.

В отличие от тех исследователей, которые во всех победах достижениях Российской империи и Советского Союза привыкли отмечать лишь роль единственного народа- русского народа, автор книги демонстрирует завидную объективность в вопросе о Гражданской войне. Победу в ней одержали красные, и в этом факте В.Р.Мединский вполне обоснованно усматривает не только роль русского народа, но и ту значительную роль, которую сыграли нерусские народы. «Серьезные ученые давно обратили внимание на то, что победа красных в Гражданской войне объясняется, кроме других причин, удачной ленинской национальной политикой, -подчеркивает автор. - На Западе иногда даже говорят: «Гениальность Ленина в том, что он уловил размах этой тяги к освобождению». Бросил «наряду с маленькой армией русских рабочих... в революционные битвы неисчислимое множество народов, жаждущих освобождения». Однако гениальность гениальностью, а появление

национальных республик, похоже, было случайностью». Таким образом, признано наличие тяги нерусских народов к освобождению, а также гениальное предвидение ленинской национальной политики. Правда, автор ставит под сомнение закономерность появления национальных территориальных образований. Может быть и так, что большевики в этом вопросе не имели четких ориентиров, но ведь важен полученный результат.

Проводя сравнение с колониальной политикой западных стран, В.Р.Мединский старается оправдать действия Российской империи по отношению к нерусским народам. «Не будем отрицать, что европейцы были технически более развиты, чем неевропейские народы: у них были океанские корабли, огнестрельное оружие..., была более совершенная организация экономики и общества в целом. Все так. Но ведь истиной является и то, что ни в Америку, ни в Азию, ни в Африку их не приглашали, и поделиться своими умениями никто не звал». Все это правильно. Однако ведь то же самое можно говорить и относительно Российской империи: ни постордынские государства, ни среднеазиатские народы и государства, ни чукчи, ни якуты, ни Кавказ, ни Дальний Восток не приглашали Российскую империю к себе и не звали научить их жить на своей земле. Большинство из них в меру своих сил и возможностей пыталось отражать агрессию более сильной стороны, имеющей современное оружие. Более того, как показывает пример с Гражданской войной, у нерусских народов («жаждущих освобождения!») отсутствовало стремление находиться в составе той России.

В попытках обосновать передовые позиции России в сравнении с другими колониальными державами относительно местных народов, В.Р.Мединский указывает: «В этом отношении интересно сравнить западные колонии с Российской империей. Мы ведь тоже сталкивались с аборигенами: в Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке... В общем, было бы желание - и мы могли бы «освободить» немалые пространства земли, чтобы «привнести в нее цивилизацию». Но вот чего не было, того не было... Ни одно даже самое «отсталое» племя, оказавшееся на нашей территории, не прекратило своего существования. Более того, достаточно посмотреть на цифры, свидетельствующие о численности всех племен, всех «малых народов» России, чтобы увидеть - количество их постоянно росло». Судя по этим высказываниям автора, аборигены Сибири, Севера и Дальнего Востока должны постоянно чувствовать великую благодарность тому народу, от чьего имени выступает В.Р.Мединский, за то, что их не уничтожили; могли ведь уничтожить, да просто не возникло желания.

Что же касается о численности племен и нерусских народов, то в переписи населения Советской России 1926 года указаны около 200 народов и народностей, в по данным 1976 года в СССР их осталось немногим более 100. Если в 1932 году действовали общеобразовательные школы на 102 национальных языках, то в 1989- только на 39 языках. Правда, в новейшей России несколько увеличилось число народностей в силу предпринятых «сверху» попыток раздробить наиболее многочисленные нерусские народы. К

примеру, по одному из вариантов предполагалось образовать чуть ли не сто разных народностей из состава единого татарского народа. Ясно, что такие попытки никогда не направлены против русского народа. Чтобы убедиться в необоснованности утверждений В.Р.Мединского, достаточно было бы и сравнить лишь процентное соотношение русских и нерусских в России. Некогда считали, что русские составляют менее 50% от общей численности населения России, сегодня этот показатель равен 80%. Это означает, что процентное соотношение нерусских народов резко сократилось. Если пользоваться критерием роста населения, применяемого В.Р.Мединским, то приходится признать, что «санитарная и гигиеническая действительность» в России не была направлена на благо нерусских народов.

С завидным упорством В.Р.Мединский выдвигает идею о том, что Российская империя и власти СССР постоянно и неуклонно проводили политику бережного и уважительного отношения к национальным особенностям нерусских народов. «Может быть, самое большое отличие России от других стран Европы именно в этом: россиянин, русский человек никогда не считал «инородца» принципиально хуже себя, - утверждает автор книги. - Он не делал далеко идущих выводов из «крови и почвы», из принадлежности азиатов к другой, неевропейской культуре». Однако немало других авторов утверждают прямо противоположное мнение. К примеру, известный писатель Ю.С.Семенов приписывает одному из положительных героев своего произведения мысли о зоологической злобе, «с которой царские опричники жестоко и чванливо теснили «ляхов», «хохлов», «татарву», «армяшек» и всяких там прочих «литвинов». Запрещение говорить и учиться на родном языке, русское судопроизводство, русское чиновничество, русская полиция - все это было той почвой, на которой любые семена...давали немедленные и быстрые всходы» [3, с.389]. Быть может, мнение В.Р.Мединского изменится, если он поинтересуется сегодняшним положением нерусского гражданина России. Нерусские родные языки в России разрешается изучать в школах не более двух уроков в неделю. Считается, что в противном случае родной язык чеченца, татарина, якута и т.д. наносит ущерб изучению русского языка. Надо полагать, именно вот этим способом российские власти формируют у русского человека уважение к «инородцу», чувство равноправия с ним.

Для того, чтобы убедить читателя в той комфортной жизнедеятельности, которой «инородцев» обеспечила «заботливая» Российская империя, В.Р.Мединский пишет: «Много инородцев, в том числе и мусульман, служило в русской армии. Не известно ни одного восстания нерусских частей против Российской империи. Выделяю особо – ни одного!». Трудно согласиться с однозначной трактовкой автора относительно причин отсутствия выступлений нерусских частей против империи. Прежде всего, в общем составе русской армии числилось весьма небольшое количество национальных частей. Стало быть, любое их выступление было бы самоубийством; надо полагать, бойцы этих частей были в состоянии провести хотя бы такое простейшее количественное сравнение. С другой стороны, «Калмыки, башкиры, татары

были внесены в реестр казачьих войск. Государство одаривало их наделами, гарантировало им права на землю и пастбища», -указывает В.Р.Мединский (Здесь вместе с автором книги следовало бы возносить хвалу и великую благодарность такому щедрому государству за «одаривание». Сдерживает только одно обстоятельство: ведь все то, чем «одаривали» этот служивый люд, было отобрано у настоящих хозяев, т.е. у тех же самих местных жителей!).

Значит, особый статус военизированных частей давал их служащим определенные льготы, т.е. они оказывались в более привилегированном положении по сравнению с другими, у них не было причин выступать против власти. Таким образом, отсутствие выступлений национальных частей против империи не может служить показателем удовлетворения нерусских народов своим положением в стране. К истине ради укажем также, что не было особых военизированных национальных татарских частей. Были части тептярские, мещеряцкие (компоненты современного татарского народа), но и эти части со временем объединили с башкирскими. Среди нерусских народов рекрутская повинность в Российской империи была введена именно для татар.

О положении того или народа в стране, о степени его удовлетворенности этим положением следует судить не по отдельным «кусочкам» этого народа. В истории раскрыто немало фактов (не мифов!) о многочисленных восстаниях народов против российской экспансии, против самодержавного угнетения. Не менее полутора столетий воевали чукчи за свою свободу, «усмирение Кавказа» потребовало два столетия и т.д. Завоевание Казани ратниками московского князя в 1552 году не остановило вооруженную борьбу народа за свою свободу, война продолжалась до 1557 года. До начала XVII века в этих краях произошли три относительно крупных народных восстания против властей. Каждые 10-15 лет возникали народные бунты, именно это явление характеризует жизнь народа в империи. Представители многих нерусских народов вместе с русскими крестьянами становились активными участниками крупных восстаний против имперской власти. К примеру, из общего числа участников Пугачевского восстания в двести тысяч человек половину составляли башкиры и татары. В сражениях против российской регулярной армии под Казанью погибло до двух тысяч повстанцев, «большую частью татар и башкирцев» (А.С.Пушкин).

В 1735-1740 годы произошли несколько крупных восстаний, основную повстанческую силу в которых составляли башкиры и татары. В 1736 году карательный отряд империи провел показательные наказания в Мензелинске: людей сажали на кол, вешали за ребра, четвертовали, топили в прорубях. Несколько сотен крестьян роздали в рабство, остальных погнали в Казань, заковав их в цепи. По дороге часть людей заперли в крестьянском доме и сожгли живьем. Об успешных результатах своей деятельности командование карательной экспедиции сообщало в 1740 году, указывая на полное разорение Уфимской провинции: в двух районах «не осталось, пожалуй, и половины населения; в двух других районах почти все оставлены без лошадей и скота, деревни сожжены, очень многие погибли от голода». В течение лишь трех месяцев 1740 года было сожжено 725 сел Уфимской провинции. Подобные

факты невозможно уничтожить, искоренить из памяти народа, даже если включить в работу еще больше «борцов с антироссийскими мифами».

Сошлемся также на указ от 16 февраля 1736 года о прекращении башкирского бунта. Этот указ был направлен не только на наказание башкир за их активное участие в восстании, но на разделение и противопоставление нерусских народов друг -другу. Тем мещерякам, которые сохранили верность царскому правительству, башкирские земли предоставлялись бесплатно, навечно и безоборочно. Новокрещенцы определялись в казацкую службу и освобождались от ясака. Башкиры с казанскими татарами могли войти в сватовство только по разрешению казанского губернатора. За каждую свадьбу в пользу казны брали по лошади драгунской, а с тех лиц, которые женились без позволения, брали по три лошади драгунских.

На наш взгляд, приведенные примеры опровергают утверждение В.Р.Мединского о благополучном состоянии нерусских народов в империи и об их равноправии с русским народом. В.И.Ленин когда-то писал, что «Великорусской национальности стараются предоставлять всяческие привилегии. Хотя великороссов в России меньшинство населения, именно только 43%. Все остальные нации, населяющие Россию, стараются все более урезать в правах, обособить одну от другой и разжечь вражду между ними».

Отметим, что народные восстания XVIII- начала XX веков были уже общими, русские и нерусские выступали совместно против угнетения. Если даже и простой русский, который имел определенные привилегии, уже не мог выдержать гнет властей, то невозможно представлять себе положение нерусского человека в империи так благостно, как автор книги описывает историю, в каком ключе пытается уверить читателя.

В.Р.Мединский пишет, что хотя «государственной религией было православие, это не препятствовало существованию в России католических костелов, протестантских церквей, мусульманских мечетей и так далее... Внутренняя жизнь народа, вошедшего в состав Руси, менялась крайне мало. Никто не препятствовал старинному образу жизни этого народа, никто не ломал сложившиеся традиции». Складывается впечатление, что автор историко- публицистической книги считает себя свободным от признания каких бы то ни было исторических фактов, которые не вменяются в рамки его понимания содержания «антироссийских мифов». Недопустимым мифом считается любой исторический факт, который противоречит убежденности автора в том, что Россия во все времена несла лишь самые гуманистические идеи и высокоморальные деяния своим географическим соседям и всему миру.

Факты же говорят о том, что российские власти вели непрерывную, нередко жестокую борьбу против исламской религии. Эта борьба велась совместно и при полной поддержке православного духовенства. Как указывает австрийский исследователь А.Каппелер, «война против Казани имела форму крестового похода против ислама...Призыв... обращать мусульман и язычников ханства в христианство, если необходимо, также и насильственно, исполнялся неукоснительно. Мужское население Казани было убито, мечети разрушались, на их место сооружались православные церкви, знатные татары

депортировались внутрь Московского государства, где их крестили, если они отказывались, то их топили». Целенаправленную борьбу за искоренение ислама развернула Казанская епархия, образованная в 1555 году, позже- и «Контора по делам крещения». Особое внимание уделялось тому, чтобы удержать «новокрещеных» от возврата к исламу. В соответствии с царским указом 1593 года, таких людей следовало «усмирять, в тюрьмы сажать и бить, и в железо, и в цепи сажать». Было установлено, что мусульмане обязаны платить налоги за тех своих соплеменников, которые насильственно или добровольно приняли христианство. В годы правления Петра I было приказано, что бы «басурманы крестились конечно в полгода». Для тех, кто уклонится от выполнения этого указания, предписывалось «их поместья и вотчины с людьми и со крестьяне у их взять и отписать». В 1742 году появился указ о запрещении строительства мечетей в Казанской губернии. В кампании, последующей за данным указом, были разрушены 418 мечетей из существовавших тогда 536 мечетей. Поэтому неудивительно, что после 1552 года численность мусульман Поволжья на начало XVII века сократилась в три раза по оценкам исторической демографии. К слову, чрезвычайно негативное отношение к мусульманской религии со стороны государства проявилось и в годы развернутой борьбы против религиозных воззрений в СССР. Пострадали тогда все конфессии, но особенно- мусульманство: как отмечено в отчетах 1930 года, были закрыты 10 тысяч из 12 тысяч мечетей; 90-97% мусульманских священнослужителей были лишены возможности отправлять религиозный культ.

Христианизация выступала как важнейшее средство русификации нерусских народов. В 1870 году была утверждена система Н.И.Ильминского, направленная на ускорение русификации нерусских народов в России. Предусматривались укрепление связей обучения с христианизацией, перевод духовной жизни детей и подростков на основе православия и т.п. Отметим, подобное стремление трансформировать всех жителей этой страны в единообразную массу отражалось и на других народах. Достаточно вспомнить, к примеру, указание о том, что украинцев надлежит «привести к тому, чтобы они обрусели и перестали бы глядеть, как волки в лесу» (Екатерина II), или введение запрета на публичное использование украинского языка, на его преподавание в школах и т.п.(Александр II). В министерстве просвещения Российской империи так же открыто и напрямую была определена конечная цель обучения инородцев: их обрусение и слияние с русским народом.

В современной России принято поступать более скрытно, хотя действия властей по отношению к нерусским языкам представляют собой продолжение той же имперской политики русификации. При таких фактах трудно понять о логику В.Р.Мединского: в чем же он усматривает какие-то проявления толерантности Российского государства и православной церкви по отношению к другим религиям? Невозможно понять также утверждение автора книги о том, что никто не мешал образу жизни народа, не ломал его традиции. Приходится полагать, что автору книги удалось открыть никому пока неведомые способы и средства, которые позволяют поменять язык и религию целого народа, сохраняя в целостности и сохранности его образ жизни и традиции.

Еще одним тезисом, призванным искоренить очередной «миф», является утверждение В.Р.Мединского о тех безграничных возможностях, которые создавала Россия представителям нерусских народов. Он указывает, что в западных империях выходцам из колоний невозможно было подниматься высоко по социальной лестнице. «В России никогда не было ничего подобного, - подчеркивает В.Р.Мединский. - В Московии главным «фактором успеха» являлось вероисповедание. Важно было быть православным, а к какой этнической группе ты относишься, не имело совершенно никакого значения... Базовое различие проводилось по вероисповеданию - если ты православный, то какая разница - армянин ты, еврей». Этот тезис обосновывается автором книги на большом числе примеров, подтверждающих его правоту в данном вопросе. «Например, крещеный татарин мог достигнуть любых карьерных высот... Да и вообще чуть ли не треть русской аристократии была татарского происхождения. В том числе великий историк Карамзин... Кара-Мурза, «черный князь», если угодно». Здесь не обойден вниманием и маркиз де Кюстин, некогда посетивший Россию. На одном из придворных балов император Николай I говорил маркизу о гостях бала: это-татарин, это-немец, это-поляк, еврей, молдаван: «А вот все вместе они русские!». В.Р.Мединский упоминает и таких выдающихся военачальников и государственных деятелей России с нерусскими корнями, как генерал Багратион (грузин), глава правительства Лорис-Меликов (армянин), завоеватель Ташкента фон Кауфман (австриец) и т.п. В самом деле, список представляется весьма впечатляющим.

Однако будет небесполезно рассмотреть эту картину несколько с иной точки зрения. Современные исследователи сходятся на том, что нет на свете отсталых в культурном отношении народов, что развитие тех или иных врожденных задатков зависит, прежде всего, от условий жизнедеятельности индивида; что невозможно делать выводы о будущей гениальности или будущей отсталости ребенка, взяв за основу только лишь его национальную принадлежность. Стало быть, у нового поколения каждого народа появляются определенный процент людей с потенциальными возможностями гениальности, точно так же, как и с потенциальной склонностью к определенному отставанию от среднего уровня развития сверстников. Подобные процентные соотношения по количеству населения представляют собой сравнимые величины, какие бы народы ни были выбраны для сравнения. Если показатель будущего возможного отставания младенцев какого-либо народа оказался бы заметно выше, чем у других народов, то исследователи могли бы с полным основанием объявить этот народ отсталым.

Значит, изъятие из среды данного народа тех представителей, которые по своим личностным показателям находятся выше среднего уровня, автоматически приводит к понижению общего уровня развития данного народа. Дело в том, что тот нерусский, который стал видным человеком России, уже принял христианство и его потомки становятся русскими. Поэтому трудно усматривать повод для гордости, скажем, татарину в том факте, что треть русской аристократии - выходцы из татар. Это означает только, что татарский народ обеднел на такую величину. Таким образом, гордость В.Р.Мединского за

такую деятельность России вполне понятна, это- гордость национального русского. Но это же - и печаль любого нерусского, который подпитывает высший слой потенциальных выдающихся личностей русского народа за счет собственного обеднения.

В современных условиях нередко звучат вполне обоснованные претензии к отдельным властным структурам (и в России, и в других государствах) относительно «утечки мозгов». США, да и некоторые западные страны переманивают к себе видных специалистов и молодых людей, подающих надежды, более высоким уровнем и условиями жизни. Это вызывает вполне понятное недовольство в других странах. Оказывается, Российское государство уже давно занимается подобной «выкачкой мозгов». Более того, некоторые историко-публицисты в такой практике усматривают великую заботу о других народах.

В.Р.Мединский неустанно повторяет свою мысль о преимуществах Российской империи. «Своя» империя и создавалась, оказывается, «на совершенно иных принципах, чем европейские колониальные империи». Более того, польские и венгерские восстания за независимость были какие-то неправильные, что ли. Во-всяком случае, те империи и Российская «по сути-это совершенно разные империи». С последним утверждением можно было бы согласиться, т.к. любое государство проходит свой собственный путь развития, отличающийся от траектории развития иных государств. Однако В.Р.Мединский использует это общее положение лишь для того, чтобы убеждать читателя об особом пути России, который оправдан со всех точек зрения. Даже завоевание новых территорий преподносится как «особенности освоения территорий». Можно полагать, что за пределами Московского княжества лежали пустые, заброшенные, никому не нужные земли в ожидании того вождя, когда же придет рачительный хозяин и на правах первопроходца начнет осваивать эти земли, не мешая никому на свете! «Российская империя расширялась, -пишет автор, - согласно логике неизбежного расширения, по равнине, где остановиться значило погибнуть». Здесь не совсем понятна «логика неизбежного расширения». Если речь идет о развитии, то не всякое расширение- суть развитие; точно так же, любое развитие не обязательно связано с неминуемым географическим расширением. Поскольку земельные площади уже имели своих хозяев, то воспеваемое в книге «неизбежное» расширение на деле означало непрошенное вторжение на чужую землю. Быть может, стоило бы рассмотреть и иной вариант; к примеру, не мчаться по чужим землям, а попытаться обустроить свою территорию. Вероятно, при таком варианте можно было бы добиться более высоких результатов в развитии страны.

По мнению В.Р.Мединского, «Приход руссов, славян, впрочем, никогда не означал вытеснения коренного народа. Обычно он знаменовал лишь переход к более тесному, полуродственному соседству». Правда, с точки зрения нерусского человека не совсем понятно, о каком полуродственном соседстве может идти речь. Вот живет человек сам по себе, поддерживает какие-то

взаимоотношения со всеми своими соседями; бывает, что и поругаются, бывает, и мирятся. В один совсем не прекрасный день сосед с оружием в руках вламывается к дом к этому человеку и объявляет этот дом общим. Обратим внимание читателя: сосед настолько «доброжелательный», что не выгоняет хозяина из дома, «на улицу, в мороз, в «огороженные резервации» никого по крайней мере не выгоняли». Вооруженный сосед всего лишь устраивается здесь навсегда и безнаказанно пользуется всем тем, что имеется у хозяина.

Как описывает такой «приход руссов, славян» к соседям В.Р.Мединский, представляет собой всего лишь замену соседских отношений на жизнь «в одном селе, одним миром. По городским понятиям - снос старых перегородок между квартирами и начало жизни одним общим хозяйством». Интересно было бы узнать у автора, а много ли найдется сегодня людей, которые захотели бы добровольно перейти из отдельной квартиры в коммунальную квартиру? А при каких обстоятельствах можно человека совершить подобный переход, когда у него отсутствует такое желание?

«Приход» к соседям вызывает необходимость решать внутренние вопросы жизни «одним миром». Этот вопрос также решается, оказывается, очень просто: «В этом шумном и многоязыком коммунальном доме все-таки на кухне всегда авторитетно заправляла хозяйка из метрополии, она же и была ответственным квартиросъемщиком». Вот оно как: пришли мы к соседу, устроились в его доме и стали здесь командовать. Более того, именно пришелец становится хозяином, «ответственным квартиросъемщиком». Короче говоря, колониализма, как такового, не было, однако была метрополия, поскольку командовала ее представительница. При этом внутренняя жизнь хозяина квартиры «менялась крайне мало», самоназванные хозяева не препятствовали его «старинному образу жизни» и не ломали его «сложившиеся традиции». Таковую фантастическую картину рисует В.Р.Мединский для читателя.

В.Р.Мединский рисует прекрасную картину самых близкородственных отношений русских со степняками. «С тюркоязычными половцами киевляне заключали союзы, торговали и точно так же массово, как и с финно-уграми, вступали в браки. Известно, что против «объединенных монгол», когда состоялась известная битва при реке Калке, русичи выступили, будучи связанными договором и родственными связями с половцами: половецкий хан Котян был тестем русского князя Мстислава Удалого». Однако, не отходя далеко от первоначального утверждения, автор резко меняет свое отношение к степнякам: «Уже о половцах и печенегах в летописях Древней Руси упоминали как о «поганных» и о «горе степном». В «Слове о полку Игореве» сказано: *Вновь узнала Русь, похолодев, Топот половецкого набега*. Значит, знали, «уважали», но считали «погаными». Если родительницами немалого числа киевлян являлись женщины со степей, то откуда такая ненависть и презрение к собственным матерям? Неужели В.Р.Мединский пытается убедить читателя в том, что каких-то тысячу лет тому назад нравственные устои в Киевском княжестве находились на таком низком уровне? В противном случае пришлось бы признать, что в этом княжестве велась планомерная, усиленная

агитационная работа по внедрению идей великорусского шовинизма в сознание народа. К слову, интересно было узнать у В.Р.Мединского, куда делись все эти степняки (половцы, печенег), с которыми киевляне массово вступали в браки? Быть может, и в этом случае доброжелательный сосед пришел к ним в степь и объявил себя «ответственным квартиросъемщиком»?

Значительное место книге В.Р.Мединского отводится татарам, подчеркивается, что речь идет именно о татарах - сборщиках дани, баскаках, чиновниках Золотой Орды. «Ни шведский «потоп» XVII века, ни века противостояния с Литвой и Польшей, ни набеги варягов не впечатались так жутко в народное русское сознание. Нет в народной памяти ни поляка, ни немца, ни шведа - такого же беспощадного «сосальщика» дани, насильника, убийцы». Надо понимать, что «приход руссов, славян» к соседям - это благо, а вот такой же приход к русским со стороны другого народа характеризует пришедшего как насильника и убийцы. Мы также полагаем, что эти два «прихода» имеют разную природу. Однако это различие, на наш взгляд, выражается в другом, а именно: приходя к соседу, русский становился хозяином («ответственным квартиросъемщиком»), а татарский баскак уходил обратно в степь после получения установленной дани.

Следуя В.Р.Мединскому, обратимся также к фольклору русского народа. Профессор Ричард Пайпс охарактеризован в книге талантливым историком и ученым, одним из крупнейших западных специалистов по истории России. Р.Пайпс писал, что поговорки типа «Незванный гость хуже татарина» создали исконные, страшные враги татарского народа. В.Р.Мединский не согласен с такой трактовкой, поскольку это может помешать создаваемому им светлому образу Российской империи. Мы также не согласны с трактовкой этой поговорки Р. Пайпсом. Дело в том, что в любое время до баскака или после него в поселение мог прибыть свой, собственный князь. А свой князь по отношению к населению нередко вел себя гораздо жестче. Особенно разорительно было принимать «гостя» (князя со всем его сопровождением), пришедшего незванным, непосредственно после сбора дани баскаком. Именно в этом заключается смысл поговорки «Незванный гость хуже татарина»: свой князь ведет себя более разорительно для крестьянина, чем баскак.

Поскольку речь зашла о татарах, следовало бы остановиться на некоторых аспектах формирования современных (казанских) татар. Известно, что ни один более или менее крупный народ не является потомком лишь одного, единственного родителя. На сегодняшний день существуют три основные теории возникновения татар (булгаро-татарская, татаро-монгольская и тюрко-татарская теории); в число прародителей татар нередко включают также и кыпчаков, и финно-угров. Очевидно, в дальнейшем формировании и становлении этого народа можно было бы найти следы и иных источников. «Булгарская земля, сравнительно с русскими княжествами, была в более тесных отношениях к Татарам: здесь кочевали, а впоследствии начинали оседлую жизнь Татары-завоеватели, которые придали Булгарам татарский характер, сделали их Татарами. К булгарским владениям прикочевывали сами ханы

Золотой Орды, от имени этих ханов в Булгаре били монету» (С.М.Шпилевский). Современные казанские татары с полным правом причисляют к своим предкам булгарские, а также иные тюркские племена и народности, в том числе и татар, некогда обитавших в Центральной Азии.

Подобное отношение к своей истории вполне естественно и широко распространено. К примеру, во-времена княжения варягов жителей Киева именовали «поляне», а в X веке Киевскую княгиню Ольгу в X веке называли королевой ругов. В том же веке в договорах русских князей с греками впервые использовано слово «русин», коим обозначали жителей Переяславского и Киевского княжеств. Да и в более позднее время слово «русский» не стало еще общеупотребительным, в ходу были «черниговцы», «новгородцы», «москвиты» и т.д. Усилившееся Московское княжество ценой большой крови подчинило себе Новгород и Тверь. Однако сегодня русскому из Новгорода и в голову не придет считать себя «менее русским», чем, скажем, суздальцу или муромцу. Ни один здравомыслящий русский исследователь не откажется от тех давних киевских предков только потому, что в Московию переселилась лишь небольшая часть населения Киевского княжества. С этой точки зрения у современного татарина (казанского татарина) нет никаких оснований отказываться от родства с татарами Золотой Орды.

Тем более, что это родство постоянно подчеркивалось в русских источниках, а также российскими властями. Искусственно поддерживаемое негативное отношение к Золотой Орде переносилось на татарский народ, на «татарву». Из большого числа исторических примеров остановимся лишь на одном. В 1944 году было принято постановление Центрального Комитета правящей партии СССР - ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы и идеологической работы в Татарской партийной организации». Напомним, что это было во время Великой Отечественной войны, когда весь народ, не покладая рук, на грани своих возможностей трудился под лозунгом «Все для фронта, все для Победы!». Оказалось, что в этот период для власть предержащих существовала задача более важная, чем обеспечить победу над внешним врагом. Этой чрезвычайно важной задачей было запретить любое проявление интереса к историческим проблемам, связанным с Золотой Ордой. Хотя речь шла всего лишь об интересе исследователей к исторической эпопее «Идегей», в которой нет никакого упоминания России и русского народа, т.е. отсутствуют даже намеки на их негативные деяния. Однако татарам были запрещены любые исследования исторических, литературных и иных проблем, связанных с Золотой Ордой.

Для словесного возвышения Российской империи, для оправдания его агрессивной политики В.Р.Мединский всячески старается принизить роль Золотой Орды в деле сплочения русских княжеств, в формировании единых правил, обязательных для всех и т.д. Апеллируя немецкому исследователю Б. Шпулеру, автор пишет, что этот исследователь «приводит множество данных о том, что достижения Золотой Орды в области управления, налоговой политики, военной организации, торговли и транспорта значительно превосходили успехи русских в этих сферах к тому времени. Все-му-то,

абсолютно всему учились русские у монголов, вот как!». Складывается впечатление, что автор считает в принципе невозможным, чтобы русский народ мог научиться чему-либо у какого-нибудь народа. Возможно, подобный сарказм В.Р.Мединского можно было бы и понять, если бы о заимствованиях Российского государства у татар писал бы лишь один Б.Шпулер (тем более, что книгу немецкого автора, по мнению В.Р.Мединского, «смело можно назвать дешевой попыткой реванша за проигранную Вторую мировую войну»). Однако немало признанных русских историков и исследователей однозначно признают позитивную роль Золотой Орды в истории России. Мы не будем ссылаться на утверждения, изложенные в книгах М.Г.Худякова или академика А.П.Окладникова, т.к. В.Р. Мединский «заклеймил их позором», объявив, что «Татарские националисты до сих пор цитируют эти книги». Надо полагать, что цитирование указанных книг- это страшное зло, недопустимая вольность. Быть может, будет разрешено цитировать только В.Р.Мединского, как единственно верную книгу на все времена?!

Сошлемся на других авторов. От истребления и ассимиляции русских Западной Европой спасло то обстоятельство, что они оказались в составе Золотой Орды; именно это принесло «Северо-Восточной Руси вожделенный покой и твердый порядок» (Л.Н.Гумилев). Если бы русские князья «были предоставлены вполне самим себе, они разнесли бы свою Русь на бессвязные, вечно враждующие между собою удельные княжества...Гроза ханского гнева сдерживала забияк; милостью, т.е. произволом хана, не раз предупреждалась или останавливалась опустошительная усобица» (В.О.Ключевский). «Не татары выучили наших предков стеснять женскую свободу и человечество в холопском состоянии, торговать людьми, брать законные взятки в судах (что некоторые называют азиатским обыкновением): мы все то видели у россиян гораздо прежде» (Н.М.Карамзин). Эти цитаты можно было бы продолжить довольно долго. Для оценки (хотя бы приблизительной) тех заимствований Российского государства у Золотой Орды, достаточно проанализировать, сколько слов с татарскими корнями вошло в русский язык (в книге указано, что это -20% языкового ресурса русского языка). Ясно, слово из другого языка заимствуется вместе с его значением, т.е. характеризует воспринятое явление, процесс и т.д. В то же время В.Р.Мединский считает, что «Для русских не было никого страшнее и хуже, чем татары».

Описывая взаимоотношения народов в плоскости «татары-русские», В.Р.Мединский подчеркивает: «В ханской столице встречались русские, татарские и башкирские аристократы, русские и татарские ремесленники бок о бок работали в мастерских монгольских городов...В Московии татарские и монгольские княжны, принимая православие, становились женами русских князей и даже царей». Стало быть, что эти соседние народы были знакомы довольно близко. Более того, эти два народа не только находились лишь в состоянии войны между собой. К примеру, когда темник Мамай (противник законного хана Золотой Орды) выступил против Москвы, то ряды ратников московского князя пополнились татарскими воинами. «Лучшие ордынские

конные лучники- наиболее профессиональные воины того времени-сражались на стороне Дмитрия Донского и практически обеспечили русским победу над Мамаем» (В.И.Захаров).

Однако, следуя некоему А.А.Казеветтеру, В.Р.Мединский все силы прилагает к тому, чтобы показать «сознательное отталкивание от татарщины, как от чужеродного тела в русской жизни». По его мнению, именно это чувство объединяло всех русских людей от простой деревенской женщины, пугавшей своего ребенка «злым татаринном», до монаха-летописца, именовавшего татар не иначе как «безбожными агарянами», и до любого из князей, которые неизменно выражали надежду, что Бог «переменит Орду». Здесь автору можно было лишь посоветовать ознакомиться с фольклором завоеванных Россией народов. Полагаю, что там найдется не меньше подобных «ласковых» выражений относительно русских, от чьего имени проводились кровавые походы, которые не могли служить источником обогащения простого русского человека и облегчения положения крепостного крестьянина. Поэтому едва ли можно поверить, что русский крестьянин осознал, что ему действительно необходима эта война, что он готов «пожертвовать чем угодно» во имя победы в этой войне.

Но В.Р.Мединский особо подчеркивает, что война против Казанского ханства была необыкновенно популярной среди русских. Ни выход к Балтике, ни взятие Варшавы, Берлина, Парижа войны против Казанского ханства «никогда не поднимались на Руси до такого уровня значимости, как взятие Казани или Крыма. Эта победа возводилась в ранг религиозной, победы «правых и славных» над «погаными», победы добра над злом...Завоевывая Казанское ханство, русские продолжали войну с Золотой Ордой». Но здесь же автор раскрывает источники популяризации войны против другого народа: это результат деятельности государственно-церковной пропагандистской машины; это увод народного сознания от неурядиц в неустроенном быту к фантастической идее о «Третьем Риме», которым должна стать Москва. Для достижения указанной цели не нужно заниматься благоустройством внутренней жизни государства, а необходимо всемерно распространять идею о собственной исключительности всеми доступными способами, в том числе и военными.

На протяжении долгого времени государственная и церковная власть натравливали народ Московского княжества на татар. Походы на Казань было принято объяснять необходимостью освободить русских пленных, «томящихся в басурманском заточении» (Правда, после завоевания Казани многие бывшие пленные отказались возвращаться в Московию, т.к. жизнь вместе с «басурманами» оказалась гораздо комфортнее, чем стать снова холопом на своей родине; Казанский митрополит выражал возмущение тем, что многие русские пленные и не пленные живут у татар, черемисов, у чувашей, пьют и едят вместе и женятся у них). При подготовке последнего похода всем возможным жертвам был обещан рай на том свете. Не были забыты самые понятные материальные интересы. «Ненасытные бояре и дети боярские,

князя-«изгой» и...дьяки ждали своего времени, будучи готовы на все с тем, чтобы получить землю, а еще лучше- варницу за участие в походах великого князя» (А.А.Зимин). Ратники получали жалованье только за походы, в походах открывались также широкие возможности грабежа любого населения по дороге. Каждому участнику похода была обещана своя доля от несметных богатств Казанского ханства. В.Р.Мединский с понятной целью закрывает глаза на именно такую заинтересованность собранной огромной силы, хотя это никогда и не скрывалось как до войны, так и после войны.

Вот как описывает зажиточную жизнь жителей ханства один из участников похода князь А.М.Курбский: «А земля, которую мы пленили за десять дней, удивляла своим изобилием, ибо были в ней поля великие, изобильные и урожайные на всякие плоды, а дворы княжат их и вельмож поражали красотой и были воистину достойны удивления. Села в той земле расположены часто, а хлебов всяких там такое множество, что просто неподобно казалось бы для такой неправой веры; их в той земле столько, сколько звезд на небе, а также бесчисленное множество различных стад животных и всяких драгоценностей, особенно велико изобилие диких животных: рождаются там хорошие куницы и белки, и соболей там множество, пригодных для одежды и еды, также и медов изобилие: и не знаю даже, есть ли под солнцем иное такое место, где больше бы всего было». Подобное завлечение легкой и богатой добычей, находящейся по соседству, всемерно использовалось и светской, и церковной властью.

Не выдерживают никакой критики также и потуги В.Р.Мединского придать неэтнический характер Казанским походам Московского князя. Никогда, ни до походов, ни после них не скрывалось, что Москва идет завоевывать Казань от имени русского народа и при всемерной поддержке православной церкви. Такое же положение было и с другой стороны: защитники Казани стояли на защите своих родных земель от агрессора и опирались на поддержку исламской религии и ее священнослужителей. Пытаясь придать со стороны Московского княжества хоть какую-либо подобие законности, В.Р.Мединский проводит анализ этнического состава и Московских, и Казанских войск. Однако и здесь на первый план выступает непоследовательность автора. Если речь идет о нападении татарского войска совместно с войсками других русских княжеств на Москву, то это оценивается как война в плоскости «татары-русские». Если же в войске Ивана IV оказались и татары, то проявляется другой подход: вроде бы это законно, если татары замечены и на стороне противника. По этой логике следовало бы отказаться от обид на «монголо-татарскую» рать, ведь в их составе были также и русские, при ставке ханов существовала и русская гвардия. Как указано в этой книге, были русские и среди защитников Казани от московской рати. Кроме того, «Русские и башкирские воины также участвовали в завоевательных походах монголов по приказу хана», - подчеркивает В.Р.Мединский.

Поэтому тот факт, что в составе русского воска были и татары, не является аргументом, оправдывающим агрессию. Московское княжество постоянно принимало под свое крыло любого человека, который был бы недоволен своим

нерусским государством. Кроме того, здесь же находились и те князья татарского рода, которых удавалось захватить в предыдущих Казанских походах. «Главною причиною успеха русских в Казани с самого начала, потом в Астрахани и между самими ногаями была постоянная усобица владетелей: усилится одна из них и обнаружит враждебное расположение Москве-Москва могла быть уверена, что найдет себе союзников и даже подданных в других князьях, враждебных ему родичах» (С.М.Соловьев). Прав В.Р. Мединский в том, что «Московское царство, Казанское и Сибирское ханства не были мононациональными государствами». Кроме того, «и сама царская династия была не «чисто русская» по крови» (Точнее было бы сказать, что русские правители имели по крови весьма незначительное родство с русскими).

По утверждению В.Р.Мединского, «не было в XVI веке никакого такого народа - казанские татары. Была казанская империя. Самая настоящая империя, осколок Золотой Орды». Таким образом, и этого народа не было на свете, не было у них и государства и т.п. А вот русские (коих, вообще-то говоря, можно было бы объявить также несуществующими в тот период, если следовать логике В.Р. Мединского) воевали с какими-то народами, праздновали победу над ними. В.Р.Мединский пытается убедить читателя в том, что эта война не была направлена против татар: «Речь идет явно не о казанских татарах, даже не о крымских татарах, «прославленных» страшными набегами и уводом в рабство людей». Тогда непонятно русское празднество в 1552 году, описываемое В.Р.Мединским: «Во времена Московского царства взятие Казани было для русских Богом данным, давно желанным событием. День взятия Казани сделался религиозным праздником. В этот день московский царь вступил в Москву «на осляти», уподобляясь Христу, въезжающему в Иерусалим». Результатами победы над Казанью в полной мере пользовалось Московское (русское) княжество, разгромлено было Казанское (татарское) ханство, в положении народа второго сорта оказался татарский народ. Стало быть, в эта война была войной русского государства против татарского государства; война тех москвитов и иже с ними (потомками которых считают себя русские сегодня), с теми татарами (потомками которых считают сегодня казанские татары). Это- история, это -факты русско-татарских отношений со всеми светлыми и темными сторонами, хотя В.Р.Мединский упорно пытается уверить читателя, что «Наивно и неисторично видеть во взятии Казани и завоевании Казанского ханства войну двух народов: татар и русских».

Исследователи (назовем их условно «непублицистическими» историками) раскрывают причины регулярных Казанских походов Московского княжества совсем не так, как В.Р.Мединский. «До тех пор, пока существовала Казань, до тех пор движение русской колонизации на Восток по Волге...было невозможным» (С.М.Соловьев). Российскому государству были «были присущи постоянная агрессивность и экспансионизм, который берет начало со времен возвышения Москвы. Россия всегда жила завоеваниями, присоединяя к себе новые земли...И никогда не думали о том, как лучше обустроить эти территории, а только как их больше захватить» (Ю.А.Афанасьев). «Завоевание

Казани и Астрахани в 1552-1556/57 гг. толкнуло Россию на путь экспансии в восточном направлении: через Уральские горы на Сибирь, а через реку Урал в центрально-азиатские степи. Завоеванные московским царем земли были огромными» (Немецкий историк Лотар Рюль).

В.Р.Мединский подчеркивает, что татары имели реальную «возможность добровольно войти в состав Московского царства, потому что среди казанских татар было немало сторонников Москвы... Был разработан проект ее мирного присоединения к Москве». Было создано новое правительство, которое «приняло присягу верности русскому наместнику Микулинскому». Для В.Р.Мединского кажется вполне естественным, что целое государство, способное содержать и прокормить себя, принимает решение о самоликвидации и стать частью иностранного государства. Непонятно, чем же тогдашнее Московское княжество могло завлечь граждан Казанского ханства. Нет никаких письменных источников, в которых были бы отражены преимущества жизни в княжестве, подобных записям князя Курбского о Казанском ханстве. Остается лишь полагать, что московские агенты провели огромную работу и сумели привлечь на свою сторону часть высокопоставленных лиц ханства. Это не представляет собой чрезвычайно редкое явление: случаи предательства интересов своего народа и своего государства можно найти в истории любого государства, в том числе и русского. «Однако в последний момент, когда Микулинский должен был торжественно въехать в Казань, - пишет В.Р.Мединский, - там произошел новый переворот, на этот раз антирусский. Возглавлял его некий протурецки настроенный князь. Заговорщики обманом настроили казанцев против русских». Следовательно, автор книги признает, что сначала был также переворот, направленный на захват ханства Московским княжеством. Автор и здесь не смог устоять против соблазна добавить негатива в адрес народа Казанского ханства. По его мнению, здесь могли быть лишь прорусски настроенные и протурецки настроенные лидеры. Наверное, просвещенному автору не приходит в голову, что татары были способны выделить из своей среды людей с достаточно развитым национальным самосознанием, стремящихся сохранить независимое существование цветущего государства. Надо полагать, автор относит следующие слова П.А.Столыпина только лишь русскому народу: «Народы забывают иногда о своих национальных задачах; но такие народы гибнут, они превращаются в наём, в удобрение, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные народы».

«В результате, - продолжает В.Р.Мединский, 180 русских стрельцов, которые *уже* находились в городе, были самым вероломным образом, ... зверски убиты... Такое предательство поставило крест на возможности мирного развития событий». Значит, оккупационные силы *уже* находились в столице суверенного государства, куда был назначен наместник в качестве «ответственного квартиросъемщика». Адекватный ответ жителей Казани на начавшуюся оккупацию (пусть даже и при поддержке «своих» граждан) В.Р.Мединский называет предательством. Если принять за основу подобную

трактовку прошедших событий, то многие героические события в истории народов (в том числе и русского, и татарского народов) пришлось бы перевести в разряд предательства.

В.Р.Мединский не раз возвращается к вопросу о жестокости московских ратников при взятии Казани. Вот и «у Карамзина нашлось место для описания резни, учиненной стрельцами во взятой Казани». Оказывается, «Рассказы о «феноменальной жестокости» русских в ходе штурма также не выдерживают критики. Конечно, при взятии Казани, как и при штурме любой крепости во все времена, имели место малоприятные инциденты». Правда, описывая «предательство» казанцев, автор книги меняет свою оценку от «малоприятных инцидентов» до «жестокостей», указывая, что «Это и стало впоследствии причиной жестокостей московского стрелецкого войска при взятии Казани». Известно, что эти «инциденты» продолжались и после окончания сопротивления московским ратникам (по причине гибели всех защитников города). Не вдаваясь в подробности тех событий, укажем лишь, что мертвыми телами были устланы улицы Казани вровень с крепостными стенами; что с большим трудом удалось освободить от трупов узенькую тропу, чтобы верхом на коне царь смог проехать до дворца ханов.

Пока шли подготовка к штурму Казани и во время штурма другие ратники не сидели «без дела», совершали вылазки по мирным поселениям татар. Одну такую вылазку описывает князь А.М.Курбский: «Через десять дней это войско возвратилось к нам здоровым и невредимым с огромной добычей, и со множеством пленных басурманских жен и детей, и с освобожденными христианами из басурманского плена, где пребывали они в многолетних работах. И была тогда в войске христианском великая радость, и все Бога славили; и много было и дешево приобретено всякой живности». Очень «благостная картина»: вооруженные ратники пришли к татарам и угнали женщин и детей со всем их имуществом. Что стало с этими несчастными потом, и куда подевалось мужское население -князь об этом умалчивает. В любом случае трудно предполагать, что их ожидало прекрасное будущее под властью русского царя. Не случайно, в период завоевания Казанского ханства и последующей насильственной христианизации местному мусульманскому населению был нанесен такой ущерб, что даже через сто лет после 1552 года этому народу не удалось достичь даже половины своей довоенной численности.

В заключение отметим, в указанной книге В.Р.Мединского нередко попадаются утверждения, противоречащие ранее объявленным. Невольно возникает мысль о том, что те или иные ее части представляют собой плод «сочинительства» разных авторов, которые по какой-то причине не удосужились выработать общее мнение. Быть может, в «историко-публицистических» книгах вот так и должно быть: без логической взаимосвязи частей и без оглядки на исторические факты...

В недавнем прошлом был такой период в Советском Союзе, когда те или иные проблемы полагалось решить, основываясь лишь на «революционной необходимости». При этом не требовалось оглядываться ни на факты, ни на

элементарную логику. В.Р. Мединский показал читателям, что не исчез подобный подход к описанию исторических событий; что, более того, он имеет своих сторонников. Упаси нас, Всевышний, от полного возврата и распространения подобного подхода. Тогда никакую многонациональную страну не спасут даже заклинания В.Р.Мединского о том, что это не касается тех или иных современных народов. У любого народа (независимо от того, называет он себя «великим» или нет) есть собственная история и собственная гордость, есть предки, признанные им самим. И лишь недостаточно информированный человек (или специально настроенный на внесение разлада между народами) может попытаться трактовать исторические события на основе одностороннего понимания любви к своему народу. Выражение подобной любви на базе презрения к иным народам способно нанести непоправимый ущерб устоявшимся межэтническим отношениям. А это- весьма хрупкая сфера, недопустимо вести себя там как слон в посудной лавке. Иногда достаточно одного Мединского, чтобы разрушить то, что сумели создать и сохранить (во имя мирного сосуществования и успешного взаимодействия, несмотря на все зигзаги истории) многочисленные Ахметы и Иваны - простые представители своих народов. Беречь целостность этой сферы- это обязанность любого современного Человека. «Люди, будьте бдительны!» (Юлиус Фучик).

Список использованной литературы.

1. Караулов А. В. Русский ад. Книга II.-М.: ЗАО «Издательский дом «Аргументы недели», 2018. -664 с.
2. Мединский В.Р. О русском рабстве, грязи и «тюрьме народов».- М.: ООО «Издательство «Эксмо», 2019, 2009.-720 с.
3. Семенов Ю.С. Весна 1941 года. - М.: Воениздат, 1980. -552с.

© Г.Т.Хайруллин, 2019

Lingvo-Science.-№27/2019.- С.8- 18 (Варна, Болгария)